

чтобъ приходитъ въ радостное или печальное движеніе при всякомъ новомъ или рѣдко бываемомъ въ мысляхъ нашихъ изображеніи чеголибо уразительнаго или пріятнаго или горестнаго, и что при каждомъ повѣствованіи объ оптимѣнномъ въ мысль нашу шотъ часъ бросается выгода или полезность или самое спасеніе долженствующіе произойти отъ таковыхъ великодушныхъ поступковъ подобнымъ намъ человѣкамъ; мы поспавляемъ себя на мѣстѣ шѣхъ, кои были предметами похвальныхъ дѣланій или на мѣстѣ самихъ благошворителей. Мы въ семъ случаѣ дѣлаемъ себя всему бывшему свидѣтелями въ воображеніи; мы спановимся на ту пору Римлянами когда намъ рассказываютъ о добродѣтеляхъ Тита, Траяна, Антонина и прочихъ. Съ какимъ восхищеніемъ видимъ мы въ театральномъ представленіи Августа не только прощающаго неблагодарнаго Цинну приговорившагося обогришь руки свои въ крови своего благодарнаго друга, но еще просящаго быть по прежнему друзьями; чье сердце не почувствуетъ оптимѣннаго почтенія къ таковому поступку чрезвычайную великость духа изъявляющему? По сему же самому началу сердце наше трепещетъ, когда слышимъ о свирѣпыхъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ Тиверія, Калигулы, Нерона, и другихъ имъ подобныхъ. Мысль объ нихъ шоже производитъ впечатлѣніе и содроганіе, какъ и рассказываніе о страшномъ какомъ либо человѣковъ шерзающемъ чудовищѣ или ужасной змѣѣ смертныхъ пожи-